

UNITED WISDOM

Хасидская повседневность: поиск смысла в обычном действии

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-26-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Хасидская повседневность: поиск смысла в обычном действии

«Радость и открытое сердце».

Шнеур-Залман из Ляд, «Тания», начало главы 26. Собственный русский перевод фрагмента английской версии, опубликованной Chabad.org; переводчик этой страницы не указан.

О чём эта статья

Чашка вымыта, сообщение отправлено, ребёнок накормлен. Можно прожить такой день с ощущением, что ничего существенного не произошло: только обслуживал жизнь, пока настоящая жизнь ждала свободного вечера. Хасидские тексты предлагают другой вопрос: чему служили эти обычные действия и каким человеком становился тот, кто их совершал? В религиозном контексте речь идёт о служении Богу внутри материального мира, а не о красивом настроении поверх домашних дел. Статья рассматривает этот взгляд преимущественно через «Танию» Шнеура-Залмана, основателя Хабада, сохраняя отличие одной школы от многообразного хасидского движения. Мы разберём намерение, радость, дисциплину и отношение к другому человеку, а также трудности такого подхода: опасность оправдать поступок хорошим мотивом, требование постоянно чувствовать вдохновение и соблазн объявить собственный опыт общей истиной. Практический вывод будет скромнее обещания преобразить каждый миг: обычное действие можно совершить внимательнее, а его духовное истолкование не освобождает от проверки последствий.

I. Почему будни оказываются в центре

Обыденность становится духовным вопросом, когда человек перестаёт считать её пустым промежутком между значительными событиями. Мы часто распределяем день заранее: здесь работа и уборка, здесь настоящее общение, а где-то отдельно — смысл. Такая схема удобна для расписания, но незаметно превращает большую часть жизни в расходный материал. Если важным считается только исключительное переживание, человеку приходится всё время ждать следующего исключения.

Хасидский поворот к повседневному затрагивает саму эту границу. Присутствие Бога в мире понимается как религиозное основание для служения среди вещей и отношений. Выражение «служение через материальное» не означает, что любая приятная деятельность автоматически священна. Оно ставит вопрос о направлении жизни: может

ли телесное действие участвовать в том, ради чего человек молится и учится? В начале коллективного исследования «Hasidism: A New History» этот мотив представлен вместе с конкретными практиками и отношениями общины. Академическое введение, с. 1–2.

Здесь полезен условный пример. Два человека готовят одинаковый обед. Один торопится закончить неприятную обязанность; другой тоже устал, но старается, чтобы близкие могли спокойно поесть. Различие не в составе продуктов и не в непрерывном возвышенном чувстве. Оно в том, как действие связано с заботой. Это наш пример для понимания вопроса о намерении, а не свидетельство, что любая забота уже является хасидской практикой.

Сама мысль о ценности будней не принадлежит исключительно хасидизму. Отличительным здесь оказывается её место в определённом религиозном мире, с заповедями, молитвой, учением и каббалистическим языком. Если убрать этот контекст, останется полезное современное наблюдение, но изменится содержание традиции. Поэтому двигаться дальше стоит двумя путями одновременно: понимать хасидский смысл изнутри и отдельно спрашивать, какое ограниченное различение может использовать читатель с другой системой убеждений.

II. Движение, школа и конкретный голос

Хасидизм нельзя свести к одной универсальной формуле о радости. Движение складывалось в XVIII веке в восточноевропейском еврейском мире; с именем Исраэля Баал-Шем-Това связана его ранняя история. Позднее возникли разные сообщества вокруг учителей и их преемников. Историческое исследование требует видеть не только идеи выдающихся наставников, но и жизнь последователей, отношения внутри общин и изменение этих отношений во времени. Так ставят задачу авторы нового коллективного исследования. Введение, с. 1–3.

Эта статья сознательно берёт более узкую опору: несколько глав «Тании» Шнеура-Залмана из Ляд. Такая опора позволяет обсуждать конкретный текст вместо расплывчатого «хасиды считают». Хабад — определённая школа внутри движения. Читатель не должен принимать её формулировки за исчерпывающую позицию всех хасидских направлений. Тем более нельзя по одному нравственному наставлению судить, как ведёт себя каждый член современной общины.

Почему это различие существенно для темы будней? Потому что одну и ту же общую мысль можно понимать по-разному. Одному человеку важнее эмоциональное воодушевление, другому — учение, третьему — связь с наставником и общиной. Даже если все они употребляют слово «служение», повседневные формы и способы

объяснения будут различаться. Историческая традиция живёт через такие конкретные сочетания, а не через краткое определение из словаря.

У этой осторожности есть и положительная сторона. Нам не нужно выбирать между полным принятием чужого религиозного мира и его превращением в набор приятных афоризмов. Можно прочитать определённую главу, разобраться в её предпосылках и сохранить то, что пока остаётся чужим. Внимательное понимание не требует немедленного согласия. Оно требует, чтобы читатель знал, чей именно голос он слышит.

III. Намерение меняет направление, но не отменяет нормы

В главе 7 «Тании» направление действия объясняется через *келипат нога* — промежуточную область, содержащую добро и зло. К ней отнесена жизненность разрешённых материальных вещей. Она может возвышаться в святость или нисходить в нечистоту. В авторском примере мясо и вино служат расширению ума для Торы либо наслаждению субботой и праздником; те же разрешённые вещи могут питать только телесную жажду. Намерение меняет направление именно дозволенного действия, а не отменяет запреты. Авторский текст на странице следует отличать от пояснений Йосефа Вайнберга.

Это устройство нельзя заменить фразой «важно только чувство». В ней исчезают и религиозная цель, и различие вещей по их дозволенности. Исходный вопрос гораздо точнее: чему отдана жизненная сила, полученная в обычном действии? Еда не обязана выглядеть аскетично, чтобы войти в служение. Удовольствие тоже не исключено заранее, поскольку праздничная трапеза имеет собственное религиозное назначение. Но приятность сама по себе ещё не определяет направление поступка. Так повседневное получает значение без превращения всякого телесного желания в духовное достижение.

В нашем анализе это обнаруживает два уровня оценки. Сначала возникает вопрос, допустимо ли действие внутри данной нормы; затем — ради чего используется допустимое. Уровни нельзя менять местами. Уверенное объявление высокой цели не решает первый вопрос, а соблюдение внешнего правила не исчерпывает второй. Материальный поступок поэтому не исчезает за внутренним намерением. Напротив, он становится местом, где намерение должно обрести определённость: какая сила получена и чему она теперь послужит.

Для внешнего читателя перенос будет ограниченным. Можно отдельно проверить собственную цель, средство и результат, не называя их движением келипат нога. Например, человек говорит, что работает ради семьи. Это объяснение требует соотнести заработок с реальной заботой и с временем, уже обещанным близким. Подобная проверка не воспроизводит метафизику «Тании»; она использует различие между

красивым названием цели и определённым направлением поступка. Сохранить эту дистанцию полезнее, чем объявить всякое добросовестное дело тайно хасидским.

IV. Материальное не превращается в декорацию

Смысл обычного действия нельзя обнаружить, если само действие выполнено плохо. Еда должна действительно питать, работа — давать результат, забота — учитывать потребность того, кому она адресована. Иначе духовное объяснение становится красивой надписью над невыполненной обязанностью. Именно в этой точке повседневность проверяет глубину лучше исключительного переживания: чашка всё равно останется грязной, если вместо мытья долго размышлять о святости воды.

Однако противоположная крайность тоже мешает. Человек может выполнять всё безупречно и относиться к себе и окружающим как к деталям механизма. Тогда остаётся результат, но исчезает человеческое отношение. Духовное истолкование материального действия предлагает рассмотреть обе стороны: качество работы и её место в жизни. Одно не подменяет другое.

Представим человека, который ухаживает за старшим родственником. Здесь нужны время, лекарства по назначению, чистота, разговор и право на отдых самого ухаживающего. Увидеть в заботе смысл может поддержать его, но не создаст недостающих ресурсов. Более того, фраза «каждый твой труд священен» способна превратиться в давление, если ею убеждают человека терпеть непосильную нагрузку без помощи. Значимость дела не доказывает, что один человек обязан выполнять его бесконечно.

Так возникает важная граница современного прочтения. Отношение к будням может стать внимательнее, но оно не должно превращать все обстоятельства в заслуженное испытание. Не всякая усталость нуждается в более возвышенной интерпретации; иногда нужно изменить распределение труда. Не всякое раздражение означает духовную неудачу; иногда оно показывает, что человек давно не отдыхал или не может сказать о своей потребности.

Религиозная идея получает серьёзное прочтение, когда встречает сопротивление реальности. Мы не доказываем её истинность удачно подобранным бытовым примером. Мы проверяем, какие вопросы она помогает поставить, какие обязанности делает видимыми и где её современное применение должно остановиться.

V. Радость как способность действовать

Радость в начале главы 26 «Тании» связана с энергией духовного действия. Шнеур-Залман сравнивает внутреннюю борьбу с состязанием: одной силы недостаточно, если человек действует вяло. При этом текст допускает определённые моменты горького размышления о проступках и отличает их от постоянной подавленности. Это наставление о религиозном служении, а не клиническое описание расстройств настроения. Начало главы 26.

Из этой мысли можно извлечь важный вопрос: какое отношение помогает человеку сделать следующий достойный поступок? Но нельзя вывести обязанность всегда выглядеть весёлым. Улыбка легко становится общественным требованием, за которым скрываются усталость, утрата или страх. Когда окружающие заранее знают, какое настроение правильно, человек перестаёт говорить честно. Тогда язык радости разрушает возможность поддержки.

Полезнее различать радость и демонстрацию радости. Первая может выражаться в тихой готовности продолжать, в благодарности за встречу или в ощущении, что дело имеет смысл. Вторая зависит от того, как человек должен выглядеть перед другими. Даже энергичное действие не всегда сопровождается приятным чувством. Можно проявить заботу, оставаясь печальным; можно весело говорить и ничего не сделать.

Условный пример: человек после тяжёлого дня обещал помочь другу. Он не обязан заставлять себя ощущать праздник. Ему стоит определить, посильна ли помощь сейчас, и либо выполнить конкретное обещание, либо честно договориться об изменении. Вопрос о внутреннем состоянии остаётся значимым, но не заслоняет реальное обязательство.

Для читателя вне религиозного контекста ценность такого разговора — в различении состояний и способов действия. Не всякая самокритика полезна, даже если кажется глубокой; не всякая бодрость достойна доверия, даже если выглядит убедительно. Настроение становится предметом внимания, а не судебным приговором человеку. Здесь современная практика заканчивается собственным вопросом, сохраняя за религиозным текстом его более определённую цель.

VI. Дисциплина без ожидания идеального чувства

Если сопоставить главы 7 и 26, возникает различие направления и способности действовать. В первой спрашивается, чему служит материальная сила; в опубликованном начале второй радость противопоставлена тяжести, мешающей духовной борьбе. Это разные вопросы. Поступок может иметь религиозную цель и всё же даваться трудно. И бодрое состояние само по себе ещё не показывает, что человек направил силы на служение. Один критерий нельзя использовать вместо другого.

Образ борющихся в главе 26 позволяет увидеть силу этого второго вопроса. Даже имеющий преимущество может проиграть, если действует вялым и тяжёлым образом. Это не описание качества всех людей, испытывающих печаль, а образ определённого религиозного усилия. Его смысл теряется, если мы превращаем его в приказ всегда выглядеть счастливым. Сцена касается возможности вступить в действие: настроение должно помогать работе, а не становиться новым спектаклем собственной духовной успешности.

Отсюда возникает наш практический вопрос о постоянстве. Если ждать идеальной собранности, важное дело может вообще не начаться; если считать всякое напряжение доказательством верности, можно перестать замечать собственное истощение. Различить эти случаи помогает конкретная задача. Нужны ли сейчас дополнительные усилия, более ясное намерение или отдых, после которого действие станет возможным? Этот вопрос не является медицинским выводом из «Тании». Он сохраняет различие между целью, состоянием и поступком, обнаруженное при чтении двух фрагментов.

В религиозной традиции эту связь поддерживают установленные формы молитвы, учения и заповедей. Внешний читатель может понять их функцию, не присваивая себе их содержание. Его собственная практика будет другой: короткое напоминание о важном, проверка обещаний, ясная граница рабочего дня. Сходство функции не превращает эти действия в религиозные эквиваленты.

Дисциплина становится человечнее, когда включает возможность ошибки и возвращения. Один невнимательный день не обнуляет всё предыдущее, но и не исчезает только потому, что человек исповедует хорошие принципы. Нужно увидеть конкретный пропуск, исправить возможное и продолжить. Такое движение менее эффектно, чем обещание полного преображения. Зато оно оставляет место реальному человеку, у которого меняются силы и обстоятельства.

VII. Другой человек ограничивает наше самоописание

В главе 32 в передаче Цви Фримана любовь к другому еврею обоснована общим источником душ. Но автор не ограничивается мягким неодобрением зла. Для определённого согрешившего товарища, не раскаявшегося после увещевания, он удерживает требование одновременно любить добро в нём и ненавидеть зло. Затем вводит сострадание к божественной душе, пленённой злом: оно может пробудить любовь и преодолеть ненависть. Адресат — еврейская община, а современная английская передача не является буквальным критическим изданием.

Последовательность важна. Единство душ не делает различия поведения несуществующими; названное зло не превращает человека целиком в его проступок. Сострадание здесь не добавлено в конце как приятная рекомендация: оно меняет отношение между любовью и ненавистью. Читатель может не разделять религиозного требования ненависти, но должен увидеть его, прежде чем оценивать предложенный ответ. Если заменить трудность общим советом быть добрее, станет непонятно, какую именно внутреннюю проблему решает глава.

Современное продолжение начинается после этого различения, а не выдаётся за его исходный смысл. Можно обсуждать человеческое достоинство, право на дистанцию и отказ от унижения без утверждения, будто все эти категории уже сформулированы в главе 32. Текст даёт более узкий материал: отрицательная оценка определённого действия сосуществует с другим отношением к тому же человеку. Наша задача — ясно назвать основания собственной оценки и не присвоить чужому религиозному языку удобное нам содержание.

Условная сцена: коллега допускает ошибку, от которой страдает общее дело. Можно объяснить её его плохим характером; можно сделать вид, что ничего не произошло, чтобы казаться добрым. Третий путь — уточнить факт, обсудить исправление и не превращать конкретный сбой в окончательное определение человека. Это ограниченный этический пример, а не перевод религиозного учения на язык корпоративной психологии.

Смысл повседневного действия поэтому не принадлежит только тому, кто его совершает. Он раскрывается в отношениях, где есть чужой ответ, чужая граница и иногда обоснованное несогласие. Хорошее самоописание выдерживает эту встречу. Если оно требует тишины от всех остальных, стоит проверить само описание.

VIII. Проверить смысл на одном трудном разговоре

Главы 7 и 32 ставят перед читателем разные препятствия. В первом случае разрешённое действие ещё надо направить на служение. Во втором общность духовного источника не устраняет трудной оценки чужого поступка. Ни в одном случае хорошее общее название не завершает работу различения. Наш современный пример будет скромнее: он проверит, как люди переводят заявленную заботу в определённые действия. Религиозные категории не станут готовыми ответами на семейный спор, но помогут заметить слишком быстрый переход от мотива к самооправданию.

Рассмотрим условную семейную сцену. Один человек хочет сохранять общие вечера без рабочих сообщений. Другой считает срочный ответ клиенту заботой о семейном достатке. Оба называют свой мотив хорошим. Если спор закончится соревнованием мотивов, у каждого останется основание чувствовать себя правым. Полезнее уточнить действие: какие сообщения действительно срочные, сколько времени занимает ответ, что уже обещано близким и кто остаётся с повседневными обязанностями.

Такое уточнение не устраняет внутреннюю работу. Напротив, оно делает её менее удобной для самолюбия. Человеку может оказаться неприятно признать, что за разговором о долге скрывается желание не упускать ни одного рабочего запроса. Другому — что требование полного присутствия не оставляет места исключительным обстоятельствам. Увидеть смешанный мотив не значит объявить себя плохим. Это возможность изменить конкретную договорённость.

После разговора нужны действия: выделенное время, ясное правило исключения, перераспределение нагрузки. Здесь проявляется различие намерения и доказательства намерения. Слова показывают, чего человек хочет; повторяемый поступок позволяет другим понять, чего от него можно ждать. Мы не можем читать чужую душу и окончательно судить о её направлении. Зато можем проверить, было ли выполнено обещанное.

Этот пример не содержится в «Тании» и не претендует на религиозное решение семейного спора. Он развивает наше ограниченное практическое различение. Материальное действие имеет человеческих адресатов. Если их ответ не включён в проверку, разговор о смысле остаётся замкнутым внутри самоописания одного участника.

IX. Что теряется при превращении традиции в технику

Из хасидской мысли легко сделать совет «найдите магию в каждом моменте». Такой совет приятно звучит, но убирает трудные части: конкретную веру, заповеди, общину, обязанность и различение дозволенного. Остаётся переживание, которое можно получить независимо от того, как человек действует. Исторический текст начинает обслуживать современное желание приятного опыта.

Не менее грубая редукция — считать религиозное служение лишь способом повысить продуктивность. Тогда радость оценивается по выполненным задачам, а внутренний мир превращается в инструмент трудовой эффективности. Но вопрос «ради чего?» шире вопроса «как делать больше?». Иногда содержательный ответ ведёт к уменьшению нагрузки, отказу от сомнительной задачи или восстановлению времени для близких. Смысл способен ограничить деятельность, а не только ускорить её.

Нельзя также превращать религиозную метафизику в установленный научный факт. Разговор о духовных силах и возвышении материального имеет определённую теологическую структуру. В этой статье он объясняется как структура убеждений и практики. Его психологическая убедительность для отдельного человека не является экспериментальным подтверждением картины мира.

Это не делает межкультурное чтение бесполезным. Напротив, точная граница позволяет сравнивать содержательно. Можно увидеть, как две традиции возвращают внимание к еде или речи, и затем спросить, почему они это делают. Одна говорит о служении Богу, другая — о добродетели или ритуальном порядке. Общая ситуация не отменяет различия целей. Именно различие помогает читателю яснее определить собственную позицию.

Поэтому бережное заимствование начинается с честного названия операции. Мы читаем, сопоставляем, задаём вопрос и создаём собственное упражнение. Мы не выдаём это упражнение за древний обряд и не объявляем себя представителями школы. Такая честность делает встречу с традицией менее эффектной и более содержательной: чужая мысль сохраняет возможность нас поправить.

X. Смысл остаётся в сделанном

Повседневность не обязана становиться непрерывным духовным праздником, чтобы иметь значение. Её ценность раскрывается в том, что человек поддерживает жизнь, выполняет обязательство, учится замечать другого и исправляет возможное. Хасидское прочтение добавляет к этому собственное религиозное основание. Оно связывает обычное действие со служением Богу и тем самым пересматривает привычное разделение материального и духовного.

Наш путь через конкретные главы «Тании» показал несколько ограничений, без которых этот поворот становится слишком лёгким. Намерение не отменяет норму. Радость не требует публичной улыбки. Дисциплина не означает непрерывного самоиспытания. Любовь не устраняет различения поступков. Чтение одной школы не даёт права говорить от имени всего движения.

Эти ограничения не мешают смыслу; они делают его проверяемым в жизни. Если человек начинает лучше говорить о заботе, но близким по-прежнему приходится нести всю нагрузку, важно заметить противоречие. Если возвышенное объяснение не позволяет признать ошибку, оно стало слишком защищённым от реальности. Если духовная практика расширяет внимание и одновременно сохраняет право другого на ответ, появляется более серьёзное основание считать её полезной.

В начале статьи чашка казалась знаком того, что существенное ещё не началось. Теперь её можно увидеть иначе: маленькое дело способно участвовать в значимом отношении. Но чашка не становится доказательством метафизики, а мытьё — универсальным решением внутреннего конфликта. Смысл не обязан быть грандиозным, чтобы быть реальным для действующего человека.

Возможно, наиболее зрелый результат такого чтения — способность меньше ждать идеальных условий. Не обязательно сначала стать полностью вдохновлённым, чтобы ответить честнее, выполнить посильное обещание или дать другому отдохнуть. Нужно знать, ради чего это делается, и проверить, что сделано. Тогда обычный день перестаёт быть только подготовкой к жизни: именно в нём отношения получают свою конкретную форму.

Что это значит на практике

Выберите одно повторяющееся действие, значение которого вы обычно не замечаете. Это может быть приготовление еды, начало рабочего разговора или вечернее возвращение домой. Не пытайтесь сразу изменить весь день. Сначала назовите, кому и чему служит выбранное действие. Формулировка должна позволять проверить результат: «дать человеку спокойно закончить мысль» полезнее неопределённого обещания «нести свет».

Затем отдельно проверьте способ. Не нарушает ли он договорённость, не перекладывает ли труд на другого, не требует ли от вас непосильного? Хороший мотив не закрывает эти вопросы. После действия спросите себя, стало ли ваше участие немного точнее и что ответил другой человек. Если ответ оказался неприятным, это материал для уточнения, а не свидетельство недостаточной духовности собеседника.

Возвращение к намерению можно привязать к одному переходу дня. Перед ответом в споре полезно определить цель: разобраться, защитить границу или наказать. Перед отдыхом — признать, что восстановление сил тоже имеет место в жизни. Не нужно сопровождать каждое движение внутренним отчётом. Практика внимания должна помогать действовать, а не создавать ещё одну невозможную обязанность.

Для человека, который принадлежит хасидской традиции, подобные вопросы имеют религиозную опору и должны пониматься вместе с её нормами. Для внешнего читателя предложенное упражнение — собственная светская адаптация узкого различения, а не хасидский ритуал. Оно не обещает устранить печаль или разрешить все конфликты. Его возможный результат конкретнее: в одном обычном деле увидеть цель, границу и человеческий ответ.

Есть ещё одна полезная проверка — возможность остановиться. Допустим, вы решили внимательнее отвечать на просьбы близких. Через неделю обнаружилось, что любое свободное время стало занято помощью. Упражнение, начавшееся с заботы, превратилось в запрет иметь собственные дела. В таком случае нужно менять масштаб: назвать посильную часть, отказаться от лишнего и объяснить границу без обвинения. Духовная значимость участия не доказывает обязанность участвовать всегда.

В другом случае человек выбирает меньше говорить и больше делать. Это может улучшить отношения, но может и скрыть важную потребность. Если молчание приводит к тому, что никто не знает о его усталости, нужна речь. Хорошая практика допускает пересмотр по результату. Она не защищает первоначальную форму только потому, что форма казалась благородной.

Поэтому полезно заранее определить простой срок проверки. Через несколько дней посмотрите, стало ли действие качественнее, яснее ли договорённости и осталось ли место для отдыха. Не оценивайте себя по непрерывной вдохновлённости. Отдельно назовите один факт, одно своё истолкование и один неизвестный момент. Например: разговор завершился без перебивания; вам кажется, что вы были внимательнее; вы пока не знаете, почувствовал ли это собеседник. Следующий шаг — услышать его, а не повысить уверенность в своей версии.

Если же размышления начинают поглощать больше сил, чем выбранное дело, уменьшите упражнение. Иногда достаточно одной паузы перед ответом. Иногда лучше временно отказаться от самонаблюдения и выполнить ясную обязанность. Практическая ценность не измеряется сложностью метода. Она проявляется в том, стало ли человеку легче действовать ответственно и сохранять уважение к себе и другим.

Ключевая цитата

> *«Вы не утратили награды».*

Шнеур-Залман, «Тания», глава 32, абзац после обращения к наставлению Гиллеля, собственный перевод краткого фрагмента английской передачи Цви Фримана. В непосредственном контексте речь о любви к другому еврею, даже если попытка приблизить его к Торе не принесла результата. Расширение этой области было бы нашим отдельным шагом, а не буквальным утверждением фрагмента.

Связи между традициями

Ниже — наши аналитические сопоставления. Общий вопрос не доказывает влияния и не делает ответы взаимозаменяемыми.

Позиции и источники	Основание сопоставления	Существенная граница
Шнеур-Залман, «Тания», 7, и Эпиктет, «Энхиридион», 46	Обычное действие показывает направление жизни убедительнее речи о принципах.	Служение Богу в рамках заповедей отличается от стоической работы над суждением и добродетелью.
Шнеур-Залман, глава 7, и Эпиктет, §36	Еда рассматривается вместе с целью и отношением к другим, а не только как удовлетворение аппетита.	У Эпиктета акцент на социальной уместности; в «Тании» — на религиозном направлении дозволенного.
Шнеур-Залман, глава 32, и Эпиктет, §43	Отношение к человеку не исчерпывается оценкой одного его поступка.	Еврейская духовная общность и стоическое напоминание о братстве имеют разные основания; границу безопасности определяем отдельно.
Шнеур-Залман, начало главы 26, и Эпиктет, §50–51	Важен переход от принятого принципа к действию.	Радость религиозного служения не тождественна стоическому идеалу разумного постоянства.
Шнеур-Залман, глава 7, и Маймонид, «Путеводитель», I.54	Действие позволяет говорить об отношении к божественному конкретнее.	В «Тании» спрашивается о направлении дозволенного человеческого действия; у Маймонида — о Божьих действиях, не предполагающих человеческих эмоций. Общая тема действия не означает одинаковую метафизику.

Позиции и источники	Основание сопоставления	Существенная граница
Шнеур-Залман, глава 32, и Второзаконие, 24:17–22	Отношение к другому получает религиозное основание.	Любовь внутри названной общины и конкретная обязанность перед пришельцем, сиротой и вдовой имеют разные адресаты и формы.

Первоисточники

• Шнеур-Залман из Ляд. «Тания», глава 7. Первичный текст с пояснениями Йосефа Вайнберга, Kehot/Chabad.org; прочитан раздел о дозволенной материальной деятельности и намерении, не вся книга. Пояснения издателя отделены от авторского текста.

• Шнеур-Залман. Начало главы 26. Опубликованный английский фрагмент, переводчик не указан; опора разговора о радости и духовном действии, прочитан весь короткий фрагмент.

• Шнеур-Залман. Глава 32, английская передача Цви Фримана. Прочитан текст главы и примечание; опора обсуждения общинной любви и её границ. Три главы — одна работа в разных опубликованных передачах.

• David Biale, David Assaf, Benjamin Brown, Uriel Gellman, Samuel Heilman, Moshe Rosman, Gadi Sagiv, Marcin Wodziński. «Hasidism: A New History», Princeton University Press, 2018. Введение, с. 1–3. Академическая опора исторического контекста; прочитано начало издательского фрагмента, не книга целиком. Перепечатка фрагмента не выполнялась.

• Эпиктет. «Энхиридион», §§17, 36, 43, 46, 50–51, перевод Elizabeth Carter, Internet Classics Archive. Первичный стоический текст; прочитаны указанные параграфы для ограниченных сравнений.

• Маймонид. «Путеводитель растерянных», I.54, перевод M. Friedländer. Первичный философский текст; прочитана глава, использована в сравнительной карте.

• Второзаконие 24:17–22. Библейский текст, английская версия JPS 1917 на Mechon Mamre; прочитаны указанные стихи для различения адресатов заботы.

Теги

хасидизм, Хабад, Тания, Шнеур-Залман, Баал-Шем-Тов, иудаизм, повседневность, намерение, каввана, служение, материальный мир, духовная дисциплина, радость, внимание, заповеди, община, забота, ответственность, любовь к ближнему, достоинство, границы, религиозная практика, каббала, история религий, межкультурное чтение, Эпиктет, Маймонид, добродетель, обычное действие, смысл жизни

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.